

из почты редакции

ИСКУССТВО

Александр
КАЛЯГИН:

НЕ ТОРОПИТЕСЬ

ОБВИНЯТЬ АКТЕРА!

Так получилось, что статью А. Баранова «Сотвори себе кумира» и отклики на нее я читал в поезде — либо пока ехал из Москвы после очередного спектакля на очередную съемку, либо когда возвращался обратно. Теперь мне самому предложили принять участие в этом разговоре. Вот я и решил, что лучше и честнее всего будет просто записать те мысли, которые возникали в связи с прочитанным. Так и родился этот внутренний монолог, который не претендует ни на строгую последовательность изложения, ни, тем более, на попытку исчерпать тему.

Еще одна дискуссия по актерским проблемам! Потом будет конференция или, может быть, даже симпозиум. А как рождается роль, все равно нельзя ни понять, ни, тем более, объяснить.

Мы сами виноваты — слишком уж много болтаем о творческом процессе, отвечаем на запросы зрителей, на вопросы корреспондентов, пишем... Великое таинство искусства раменываем на слова. «Как вы работали над образом?» — вот самый банальный вопрос, на который следуют не менее банальные ответы.

Кажется, только одни цирковые иллюзионисты еще сохраняют тайну, тайну своего фокуса. И поэтому мы, смотря их выступления, удивляемся, восхищаемся. А в актерском деле все хорошо понимают, все знают, какой метод, какая школа, куда ведет направление. Не только театры и критики, но и зрители. И идет дискуссия, нужно ли было ему сниматься, или переходить в другой театр, или играть ту роль... И я понимаю, что это и про меня дискутируют, потому что и я снимался, переходил, играл...

Всего два года прослужил я в Театре на Таганке и перешел в Ермоловский, куда билеты в то время продавались почти исключительно в нагрузку. Прошло время, и я утвердился еще крепче в том, что был прав тогда. Этот очень модный Театр на Таганке подошел далеко не каждому артисту. Мне, например, казалось, что с каждым днем я терял школу, полученную в Щукинском училище.

А Ермоловский театр подарил мне «Записки сумасшедшего». Это было в 1968 году. С этого спектакля, поставленного Ю. Вертман, началась столь популярная сегодня малая сцена. Для меня же это было началом, первым шагом по дороге, которая ведет в Театр.

Это была моя удача, мое везение. Без этих достаточно туманных и необъяснимых категорий не обходится, по моему, ни одна судьба человека, работающего в искусстве.

Тогда я первый раз понял, что могу передать то, что чувствую. Наверное, в этом весь смысл актерской профессии. Были разные роли — и в «Стеклоном зверинце», и в «Месяце в деревне», и другие, но «Записки сумасшедшего» не только открыли мне двери театра, но и двери киноаппаратов и студий телевидения.

А потом я ушел из Ермоловского театра. Нет, не было никаких столкновений, просто я понял, что не работаю, что, оставаясь, предаю свою веру.

Вера — вот еще одна категория театра, которая вызывает циничную усмешку, то просто не принимается в расчет. Можно подумать, что у нас в стране существует один очень большой театр, который просто работает во многих помеще-

ниях. Ничего подобного. У нас разные театры, которые требуют от артиста разных выразительных средств, если не считать тех театров, что не имеют своего лица и поэтому не подходят под мерки искусства.

Когда Ефремов, переходя в МХАТ, пригласил меня с собой, я принял это приглашение с радостью не только потому, что это театр прославленный, академический... Прежде всего потому, что мне нравится Ефремов-человек, я ему верю, он как личность для меня значителен.

Девять лет я играл разные роли, а еще больше репетировал, чем играл, пока не встретился с Ленией Шиндиным в «Мы, нижеподписавшиеся» Гельмана. Ради этой роли стоило столько ждать...

Положим, я не просто ждал эти годы во МХАТе, а зарабатывал ремесло, умение, тренировался, держался в форме, копил в себе то, что теперь пригодилось.

Часто спрашивают зрители: как вы относитесь к славе? Этот вопрос звучит и в споре о кумирах. Да никак я не отношусь к славе. То, что порой называют славой, для меня простая популярность. И хватает ума и чувства юмора, чтобы относиться к ней достаточно иронично.

У популярности разные проявления. Например, больше стали предлагать роли в кино, на телевидении, можно выбирать, искать свое. Это хорошо. К кассе в гастрономе пропускают без очереди, и вообще в быту помогает, когда тебя узнают.

На многих зрительских встречах ощущаешь, что твою новую роль правильно поняли, и от этого испытываешь глубокое удовлетворение и радость. И еще популярность заставляет контролировать свое поведение всегда и всюду. Мне не простят того, что можно другому.

Вот и все о популярности. Вообще-то Пушкин прав: хуле и похвалам внимать надо равнодушно, похвалам, может быть, особенно. Популярность — дама переменчивая. Сегодня есть, а завтра — поминай, как звали. Только время беспристрастно, все расставит по местам.

Что, однако, важно и как нельзя лучше лечит от «звездной» болезни — это способность посмотреть на себя со стороны, увидеть то, что не сделал, не сумел, где схалтурил, когда дал себе поблажку.

Только бы не привыкнуть к компромиссам с самим собой, хотя, если честно, то и без них не прожить. Все дело в том, личность ты, человек ты, или...

Мне недавно один режиссер сказал: забурел ты, разменялся, стал всеяден, всем удобен, словом, деградировал как личность. Нет, неправда! Я вижу себя со стороны и недоволен собой. Я слышу слова настоящих друзей и не пропускаю мимо ушей самую горькую правду. И я благодарен этому режиссеру, потому что удар и его

резца поможет четче прочертить контур.

Сыграно много ролей, может быть, больше, чем надо. Впрочем, еще больше не сыграно, пропущено и уже никогда не будет сыграно, потому что ушли годы, скоро сорок. Конечно, каждая роль, даже неудача, чему-то научила. Ведь учиться приходится не только на чужих ошибках.

Зрители вправе спросить, зачем участвовал, скажем, в фильме «Смятение чувств»? Не знал разве, что из этого выйдет?... Не знал! В начале работы трудно предвидеть, чем она кончится. Впрочем, вру. Не такие уж мы, актеры, глупые, чтобы не понимать, хоть приблизительно, на что идешь. Сегодня я отлично знаю все недостатки фильма «Здравствуйте, я ваша тетя». Но, согласитесь, в этой острокомедийной, трюковой роли проскальзывает что-то от чаплинского грустного смеха. Может быть, этого мало, чтобы сниматься. Но только случай дарит тебе сценарий, где роль специально для тебя написана — как «Механическое пианино».

А штампы есть не только у актеров, они есть и у зрителей — штампы восприятия. Все совпадающее с тем, что видел в свое время и чем когда-то восторгался, — хорошо, правильно. Все неожиданное, новое, непривычное в лучшем случае ностражирует, а чаще сразу же отрицается. Каждый раз стараешься выиграть этот поединок со зрителем, утвердить свое право на неожиданность. Иногда подумаешь — да пропади они пропадом все эти откровения, предлагай роль, где легко повторить то, что делал не раз, — соглашайся, спеш, ведь жизнь коротка... И кончаешься как артист! Нет, зритель не всегда прав...

Право же, проблема кумира беспокоит меня очень мало, она какая-то придуманная, искусственная. А вот что задает меня сегодня за живое — это взаимоотношения актера и режиссера. Помоему, это коренной вопрос современного театра.

Как правильно говорить: «Я тебя пригласил в свой фильм, будь счастлив» или: «Тебе повезло, я согласен у тебя сниматься...»? Мне везло на режиссеров, они позволили по-разному раскрыться и в кино, и в театре, сыграть комедию, мелодраму, водевил. Они были опытными и талантливыми людьми. Но сегодня мои личные взаимоотношения с режиссером для меня гораздо важнее даже его дарования.

Хорошо, когда одна общая творческая идея объединяет людей. Но не менее важно, чтобы общими были и их взгляды на жизнь, чтобы одинаковые понятия вкладывали они в слова любовь, дружба, уважение, преданность. Нравственная близость актера и режиссера так же нужна, как творческая, потому что театр учит нравственности, а нельзя учить с голоса того, кому сам не веришь.

Может быть, после этого признания яснее станут и причины моих переходов из театра в театр, и согласия или несогласия сниматься в той или иной картине...

Как просто обвинять и как трудно оправдываться! Да, я сегодня занят очень, сутки

расписаны по часам. Но кто поверит, что каких-то десять лет назад я был занят втрое больше, а сутки расписывал по минутам. У меня лежала в кармане большая бумажная простыня, где записывалось все: ранним утром — озвучивание, потом репетиция, потом запись на радио, потом номер в концерте, потом спектакль, потом съемка на всю ночь. Зачем так изматываться, спросите вы? Нет, не из-за денег, или, вернее, дело не только в деньгах. Тебя, пока ты молод, подгоняет жажда работы, которую не утолить ничем. И сил хватает на все, и бессонная ночь — не проблема, не то что для меня теперь...

Когда я уже сам учил актерскую молодежь, своих студентов, то всегда говорил: иди не в академическую трушпу, а в тот театр, где будет перегрузка ролей, где ты каждый вечер на сцене, иначе ничего из тебя не выйдет. Тут набирается опыт, приходит мастерство, ремесло в конце концов. Потом, когда-нибудь, все эти количественные накопления дадут качественный скачок. Так что, пока молод, дерзок и силен — не отказывайся. Только не предавай искусство!

А уж когда поднялся на известную высоту — будь любезен, сдерживайся. Может быть, самое трудное в искусстве — вовремя остановиться и оглянуться. Это так же трудно, как вовремя уйти со сцены...

Не у всех хватает на это характера и понимания. Не знаю, хватит ли у меня, но с этими мыслями я не расстаюсь сегодня. Надо пересмотреть то, что имею. Приемы молодого актера кончились, им на смену должно появиться другое. Хочу играть то, что мне дорого, а не то, что предлагают. Это «другое» я ищу, готовя тщетную программу, участвуя во внеплановой постановке театра на малой сцене.

Прочитал этой весной около двадцати сценариев и ни одного не принял. Но не потому, что сумасшедший ритм жизни мешал творчеству. Образ Шиндина я готовил, снимаясь в главных ролях в двух фильмах одновременно. Смешно чрезмерной занятостью объяснять актерский провал — так могут рассуждать одни дилетанты, знакомые с делом не изнутри, а понаслышке.

Не торопитесь обвинять актера! Наверное, есть и такие, что гонятся за длинным рублем или ищут, где поспокойнее, — в семье не без урода. Но если говорить о большинстве, актеру нужна только одна плата — та ни с чем не сравнимая мертвая тишина, которая наступает в театре в минуту потрясения. Актеру нужны аплодисменты, успех и понимание зала.

Чертыхаясь и проклиная все и всех, едет артист в промерзшем автобусе на спектакль в колхоз. Но посмотрите на него, каким он выйдет к зрителям.

С большой щедростью трагит актер запас своих эмоциональных сил, думая, видимо, что он бесконечен. Нельзя иначе, ведь единственный инструмент, который дан ему природой, — это мышцы, нервы, кровь. Вот его кисти, клавиши, краски... Какая это все-таки прекрасная профессия! Так не торопитесь обвинять актера!